

Научная статья

УДК 343.85

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).565-577

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ И ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

И.О. Кравченко

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

6 июля 2021 г.

Дата принятия в печать

3 ноября 2021 г.

Дата онлайн-размещения

25 ноября 2021 г.

Ключевые слова

Уголовная политика; уголовно-правовая политика; уголовное законодательство; гуманизм; либерализация; уголовный закон

Аннотация. Статья посвящена определению современных тенденций формирования уголовно-правовой политики Российской Федерации. Выявлена необходимость в углублении научных исследований в связи с активной научной дискуссией по определению сущности уголовной политики и отсутствием единообразия в понимании содержания и основных направлений формирования уголовно-правовой политики. Автор посвятил данный труд изучению двух компонентов уголовно-правовой политики, в настоящее время имеющих популярность в научной среде, — гуманизму и либерализации. Предложено авторское понимание данных характеристик рассматриваемого явления. Исследованы положения Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации с точки зрения их соответствия гуманистическим и либеральным идеям. Проведен анализ изменений, которые затронули уголовное законодательство России, с целью выявления современных тенденций уголовно-правовой политики. Исследование проведено в рамках последних пяти полных лет (2016–2020 гг.). Установлено, что количество законов, направленных на изменение Уголовного кодекса Российской Федерации, и количество реально внесенных изменений — разнохарактерные величины. Большинство изменений направлено на корректировку Особенной части уголовного закона и связано с проявлением криминализации. Выявлена тенденция к усилению защиты интересов экономики и общественной безопасности, что очень слабо коррелируется с общепризнанным приоритетом охраны личности, ее прав и свобод. В целом в обозначенный период ярко заявляют о себе эффекты, которые можно охарактеризовать как ужесточение уголовно-правовой политики. В качестве основных характеристик изменений, вносимых в уголовный закон, можно отметить противоречивость, отсутствие системы и единой направленности. Сделан вывод о том, что вопреки ожиданиям общественности в уголовно-правовой политике на современном этапе ее развития гуманизм и либерализация проявляются крайне сдержанно и не относятся к определяющим характеристикам, что ставит под сомнение ее прогрессивный характер. Одним из перспективных вариантов решения выявленных проблем является углубление и усиление роли криминологических исследований при формировании уголовно-правовой политики.

Original article

LIBERALIZATION AND HUMANIZATION OF CRIMINAL LAW POLICY

Irina O. Kravchenko

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2021 July 6

Accepted

2021 November 3

Available online

2021 November 25

Keywords

Criminal policy; criminal law policy; criminal legislation; humanism; liberalization; criminal law

Abstract. The goal of the article is to define modern trends in criminal law policy in the Russian Federation. More thorough research should be carried out in connection with lively scientific discussions on defining the essence of criminal policy and the lack of a universal understanding of the contents and key trends of developing criminal law policy. The author researched two components of criminal law policy which are currently trending in the research community — humanism and liberalization. The author's own understanding of these characteristics is presented in the article. The author also studied the clauses of the Concept of criminal law policy of the Russian Federation from the standpoint of their correspondence to humanistic and liberal ideas and carried out an analysis of changes in Russian criminal legislation with the aim of identifying modern trends in criminal law policy. The study is carried out for the period of the latest full five years (2016–2020). It is stated that the number of laws aimed at amending the Criminal Code of the Russian Federation, and the number of actually introduced amendments are diverse values. Most changes are aimed

at amending the Special Part of criminal law and are connected with criminalization. There is a trend for strengthening the protection of economic interests and public security, which has a rather weak correlation with the widely recognized priority for the protection of the individual, civil rights and freedoms. In general, the analyzed period is characterized by tightening of criminal law policy. The key features of criminal law amendments are their inconsistency, lack of a system or a unified direction. The author concludes that, contrary to the expectations of the public, the humanism and liberalization are manifested very moderately at the current stage of criminal policy's development, they do not constitute its defining characteristics and challenge its progressive character. One of the promising ways of solving the identified problems is increasing and strengthening the role of criminological research in the development of criminal law policy.

В юридическом научном сообществе многократно поднимался вопрос о качестве проводимых мероприятий по противодействию преступности, указывалось на несостоятельность действующего уголовного законодательства. Прежде всего, ученые в этом аспекте обращают внимание на масштабность и отсутствие научной обоснованности акций по внесению изменений в УК РФ [1, с. 13; 2; 3].

Действительно, неизгладимое впечатление производит острота полемики относительно сущности и дефинитивности уголовной политики. Уже более века ученые спорят и никак не могут прийти к единому мнению по данному вопросу, и, надо сказать, до открытия истины еще далеко. Печально, что «само понятие уголовно-правовой политики и формы ее реализации трактуются по-разному, иногда — диаметрально противоположно» [4, с. 109; 5, с. 73]. Доминирующим является подход к пониманию уголовно-правовой политики через определение стратегий борьбы с преступностью. Однако, как отмечает В.Н. Кудрявцев, история доказала неэффективность и бесполезность применяемых стратегий, так как ни одна из них до сегодняшнего дня не принесла положительных результатов [6, с. 38]. Можно согласиться, что среди массива предложений по уяснению содержания родового понятия «уголовная политика» самым емким является предложение А.И. Александрова о том, что это есть само отношение власти к преступности [7, с. 265].

Совершенно справедливо отмечает И.Л. Третьяков, что основными причинами слабости и ограниченности правового механизма уголовной политики России в современных условиях являются, с одной стороны, неполнота, фрагментарность и явная бессистемность правового регулирования этого механизма, а с другой — противоречивость, а также декларатив-

ность его регулирования [8, с. 141]. Не случайно ученые отмечают в качестве определяющей характеристики современного состояния уголовно-правовой политики именно «системный кризис» [9, с. 123].

Мнения ученых в отношении состояния российского уголовного права расходятся. Так, А.И. Рарог и Н.Е. Крылова считают, что в данный момент российское уголовное право движется в сторону усиления репрессии. Иной точки зрения придерживаются А.Г. Авдейко и А.В. Земцова. По их мнению, в результате деятельности законодателя достигнуто существенное смягчение закона, например, в отношении представителей бизнеса, совершающих преступления в сфере экономической деятельности [10, с. 23]. При этом отмечается, что не следует преувеличивать возможности уголовной репрессии в борьбе с преступностью — они весьма ограничены [11, с. 124]. Действительно, сами по себе рост или снижение показателей преступности — малоинформативные факторы, зачастую имеющие субъективные корни, очень далекие от реальности.

Принимаем за аксиому факт, что уголовная политика — это широкое понятие, включающее в себя ряд структурных компонентов, одним из которых является уголовно-правовая политика.

Нельзя не согласиться с академиком В.Н. Кудрявцевым, который отмечал, что недостаточное внимание к терминологии, отсутствие единства в понимании категорий не позволяют изучить само правовое явление, затрудняют не только исследовательскую работу, но и практическую деятельность юриста, препятствуют использованию ее в области противодействия преступности. Именно поэтому специалистам в области уголовного права следовало бы приступить к выработке единой точной терминологии по всем вопросам содержания и применения уголовного законодательства [12, с. 68].

Следовательно, целесообразно начать именно с установления сущности и значения используемых терминов.

Гуманизм происходит от латинского *humanus* — человеческий, в словарях русского языка определяется как гуманность, человечность в общественной деятельности, в отношении к людям [13, с. 128]. Таким образом, человек провозглашается высшей ценностью, его благополучие рассматривается в качестве главного критерия оценки развития общества.

Либерализм происходит от латинского *liberalis* — свободный. Это социально-политическое учение и общественное движение, основной идеей которых является самодостаточная ценность свободы индивида в экономической, политической и других сферах жизни общества. Таким образом, либерализация — это предоставление большей свободы, высвобождение [14]. В науке можно встретить такой достаточно простой подход к определению либерализации в уголовно-правовой сфере, как процесс, основанный на декриминализации или смягчении наказания за деяния, не представляющие опасности для существования общества [15].

Напрашивается вывод, что эти понятия очень близки друг другу. В этом смысле становится интересным определить, насколько эта близость реальна в рамках сохранения их идентичности и не имеет ли место вариант «подмены понятий» в условиях терминологического хаоса.

С установлением сущности гуманизации уголовного права ситуация, на первый взгляд, более благоприятна в силу того, что имеет базисное законодательное наполнение. Действительно, ст. 7 УК РФ определяет идею гуманизма в уголовном праве через совокупность двух обязательных компонентов, которые должны находиться в равновесии. Это, с одной стороны, направленность уголовного законодательства на обеспечение безопасности человека, а с другой — гарантия соблюдения прав лица, совершившего преступление, в части прежде всего исключения цели причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства при применении наказания и иных мер уголовно-правового характера. Бесспорно, что идея гуманизма имеет глубинные корни и богатую историю формирования и становления в умах людей всего мира. По сути, развитие и укрепление гуманизма в законодательстве являются «лакмусовой бумажкой», иллюстриру-

ющей уровень цивилизованности государства. В современном варианте данную идею можно признать основополагающей, даже доминирующей в отечественном законодательстве в силу провозглашения приоритета защиты личности в Конституции РФ. За основу принята концепция об естественном происхождении прав и свобод человека, которые принадлежат ему по факту рождения. Не случайно в Основном законе нашего государства на первом плане в ст. 2 именно человек с его правами и свободами признан высшей ценностью государства. В УК РФ в качестве первостепенной задачи уголовного права определено обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, гуманизация уголовно-правовой политики проявляется в реализации обозначенной глобальной идеи, в создании максимально эффективно работающего государственного механизма по объективизации мысли о первостепенной роли человека в современном обществе.

Примечательно, что в Концепции уголовно-правовой политики РФ, вынесенной на суд общественности в качестве некой квинтэссенции развития современной отечественной научной мысли и предложенной в формате «дорожной карты» по версии Общественной палаты РФ, вопросам гуманизации отведена отнюдь не главенствующая роль.

Авторы указанного монументального труда предлагают провести корректировку принципов уголовного права. При этом авторского варианта изменения УК РФ в порядке *de lege ferenda* не предложено, но выдвинуты некоторые положения, с учетом которых рекомендуется провести корректировку. Первое, на что предложено обратить внимание, — это то, что «гуманизм уголовного права не означает неоправданного или необоснованного смягчения уголовного наказания лицу, совершившему преступление»¹. И здесь сразу возникают вопросы. В ст. 7 УК РФ, которую предлагается откорректировать, на смягчение наказания нет даже намек, и тем более странно говорить о необоснованном смягчении. Законодатель установил, что при применении наказания к виновному нельзя стремиться к унижению его достоинства или, тем более, причинению ему физических страданий. Указанным свойством должны обладать все виды на-

¹ Концепция уголовно-правовой политики РФ // Общественная палата РФ. URL: <https://www.oprf.ru/ru/discussions/1389/newsitem/17889>.

казаний и меры уголовно-правового характера, имеющие как высокий индекс репрессивности, так и меньшие ее показатели, т.е. и относительно мягкие, и, безусловно, суровые наказания не нацелены на причинение указанных страданий лицу, совершившему преступление. Таким образом, законодатель признал аксиому общества, основанного на нравственных идеях, о непричинении страданий человеку, пусть даже и преступнику, настолько, насколько это возможно в рамках уголовного права — через цели обозначенной деятельности государства, и придал юридическое значение этой аксиоме. Напрашивается вывод, что нет оснований для признания указанного аспекта гуманизма в качестве смягчения наказания, тем более неоправданного и необоснованного его смягчения. Законодатель не устанавливает корреляцию между гуманизмом и смягчением наказания.

Напротив, один из классических подходов к пониманию гуманистических идей базируется на противоположном выводе. Так, широкую известность получило высказывание Б.И. Чичерина о том, что «чем выше ценится человеческая жизнь, тем выше должно быть и наказание за ее отнятие» [16, с. 156]. Таким образом, формируется обратная зависимость — гуманизм как основание для усиления наказания за наиболее опасные для общества преступления. Парадокс заключается в том, что сформировалось два диаметрально противоположных взгляда на понимание сущности проявления гуманистических начал в уголовно-правовом блоке наук. С одной стороны, гуманизация в виде смягчения уголовно-правового воздействия на преступника, с другой — гуманизация через повышение репрессивного воздействия на виновных лиц для улучшения качества охраны общества от негативного воздействия преступного мира. Первый подход более распространен, понятен и воспринят общественным сознанием; второй же подход не столь очевиден в рамках согласованности с идеей гуманизма, нуждается в разъяснении и обществом воспринимается неоднозначно. Действительно, достаточно сложно воспринимается общественностью оправдание усиления наказания через реализацию гуманистических идей. Такой подход изначально отторгается обществом, и только философы и юристы могут воспринять и понять его глубинный смысл.

Принципиально важна позиция законодателя в характеристике рассматриваемого аспек-

та гуманизма через цели наказания или иных мер уголовно-правового характера. С древних времен становления отечественного права наказание воспринимается через страдания. Именно возможность причинять физические и нравственные страдания рассматривалась как сущность наказания [17]. Конечно, сам факт назначения наказания, а тем более его отбытие, связанное с существенным ограничением прав и свобод лица, совершившего преступление, так или иначе предполагает определенное «выстраживание», ведь понижается социальный статус преступного лица, общество в некоторых случаях его отторгает, сам он может стыдиться своего деяния, чувствуя себя «неполноценным» членом общества в связи с фактом совершения преступления и привлечения к ответственности. Виновный в некоторых случаях фактически может испытывать и некоторые физические неудобства при исполнении отдельных видов наказания, например отсутствие возможности выспаться в местах лишения свободы в связи с тем, что у него чуткий сон или режим дня в данном учреждении не совпадает с биоритмами осужденного и т.д. На ум приходит ясный и однозначный вывод классика русского права Н.С. Таганцева о сущности наказания неминуемо причинять страдания (физические или нравственные) [18, с. 117]. Однако конечная цель не в том, чтобы унижить преступника или причинить ему старания, в определенной части это может фактически присутствовать при применении наказания и иных мер уголовно-правового характера, но в качестве побочного, сопутствующего фактора.

Думается, в приведенном примере ярко проявляется терминологическая проблематика уголовно-правовой политики. В данном случае гуманизм трактуется на основе бытового восприятия этого понятия при игнорировании законодательных положений. Действительно, в общественном сознании прочно закрепились ассоциации, что гуманистические идеи в уголовном праве проявляются прежде всего в смягчении наказания виновному. Однако здесь кроется проблема несоответствия общественных ожиданий, построенных на ощущении закона, и законодательного воплощения их реализации. Авторы рассматриваемого проекта, наверное, попытались соединить эти полярные позиции в предложенных корректировках, но, как представляется, это путь тупиковый. Нельзя гуманизм в уголовно-правовой политике определять

через смягчение наказания — эти характеристики некоррелируемы, каждая из них уникальна по своей сути, имеет самостоятельный характер и решает отдельные задачи.

Необходимо отметить, что обозначенный подход к пониманию сущности гуманизации уголовной политики достаточно распространен в научной литературе. Так, С.С. Босхолов, внесший существенный вклад в изучение уголовной политики, отмечает, что анализ уголовного законодательства свидетельствует о повороте к ее гуманизации в связи с остановкой тенденции расширения и ужесточения уголовной репрессии [19, с. 46]. При этом автор высказывает идею о том, что на современном этапе формирования уголовной политики именно гуманистические принципы ставятся во главу угла, хотя не без некоторых трудностей. Примкнул к данной позиции и В.П. Кашепов, посвятив целую главу коллективной монографии именно отображению «смягчения наказания как формы реализации принципа гуманизма» [20, с. 183]. Таким образом, восприятие гуманизации уголовного закона через изменение подхода к наказанию виновного в части его смягчения — достаточно популярный способ характеристики происходящих политических процессов, недостатком которого является прежде всего оторванность от законодательных реалий и концентрация на футур политике. Возникает глобальная «криминологическая яма» уголовно-правовой политики, когда общество ожидает и ощущает одно, наука пытается учесть эти веяния и ответить на них, а законодатель провозглашает собственные позиции, а все вместе это приводит к хаосу. Между тем необходимо признать, что гуманизация уголовно-правовой политики — это сложное и неоднозначное, базовое понятие, упрощенный подход к восприятию которого недопустим, так как приводит к утрате его подлинного содержания.

Представляется, что именно для решения подобных задач в науке уголовного права и было воспринято предложение о заимствовании такой в целом неюридической категории, как либерализация. Есть мнение о том, что таким образом происходит «американизация политической мысли» [21]. Конечно, насколько удачен данный вариант, можно поспорить, но так получилось разрядить образовавшийся диссонанс. В этом смысле трудно переоценить значение либерализации как важного направления уголовно-правовой политики.

Второй аспект, на который обращают внимание авторы проекта, — это то, что «гуманизм уголовного права не должен входить в противоречие с требованиями социальной и криминологической обоснованности уголовного законодательства»². Но каким образом положения ст. 7 УК РФ, которую и предлагается скорректировать, можно упрекнуть в обозначенном несоответствии? С одной стороны, валидность уголовного закона, подкрепленная криминологическими исследованиями и построенная на соответствии законам общества, а с другой — общепризнанные гуманистические идеи о ценности человека в обществе не подлежат противостоянию, они по своей сущности «однокоренные», родственные, одноплановые.

Современное общество безоговорочно принимает гуманистические идеи, признает их и основывается в целом именно на них. Поэтому факт законодательного установления приоритета человеческих ценностей априори не может входить в конфликт с общественными институтами. Наоборот, закрепление на различных законодательных уровнях (начиная Конституцией РФ и заканчивая УК РФ) данной идеи является демонстрацией состоятельности и самодостаточности социума в формировании закона, отвечающего чаяниям народа. Обоснованность главенствующей роли человека в современном обществе ярко проявляется в отечественном уголовном законе, и противоречия здесь быть не может по определению.

С криминологической обоснованностью уголовного законодательства, как это ни парадоксально, значительно сложнее. Главная проблема здесь кроется в относительной молодости криминологии как самостоятельной научной отрасли, в связи с чем многопарадигмальность ее понятна и объяснима, однако при этом слишком субъективны, дискуссионны, а иногда полярны криминологические выводы и предложения.

Таким образом, краткий анализ лишь одного положения документа с громким названием Концепция уголовно-правовой политики РФ ярко иллюстрирует остроту научной дискуссии и полярность направлений исследовательской деятельности в понимании роли и значения гуманизации в уголовном праве. Примечательно, что в рассматриваемом акте о либерализации даже не упоминается.

² Концепция уголовно-правовой политики РФ.

Представляется, что исследование уголовно-правовой политики в обозначенном аспекте целесообразно вести через анализ вносимых изменений в УК РФ, так как именно в этой части ярко проявляются современные тенденции и черты стратегического воздействия на преступность.

За период действия УК РФ с января 1997 г. по декабрь 2020 г. было принято 260 федеральных законов, изменяющих первоначальный текст указанного уголовно-правового акта. Интересно, что в течение только двух лет — это 1997 и 2000 гг. — законодатель воздержался от изменений УК РФ. Активность работы законодателя по изменению УК РФ отражена на рис. 1. Пик работы приходится на 2014 г. Кроме того, высокие показатели активности наблюдаются в 2010 и 2013 гг. Достаточно много законов, направленных на изменение УК РФ, было принято в 2017 и 2018 гг.

Представляется целесообразным более подробно остановиться на актуальных тенденциях законодательного творчества в заявленном аспекте. За последние пять полных лет, т.е. с 2016 по 2020 г. включительно, было принято 76 федеральных законов, вносящих изменения в УК РФ. Публикационная активность законодателя в этом аспекте варьируется в пределах от 13 до 19 законов в год: 2016 г. — 14, 2017 г. — 16, 2018 г. — 19, 2019 г. — 13 и 2020 г. — 14 законов. За весь рассматриваемый период было внесено 237 изменений в УК РФ, которые содержались в

обозначенных 76 федеральных законах. Непосредственный интерес в этой части представляет рассмотрение вопроса о динамике вносимых изменений. Так, в 2016 г. было принято 80 изменений, в 2017 г. — 39, в 2018 г. — 46, в 2019 г. — 31, в 2020 г. — 41 (рис. 2). При таком подходе картина меняется, и получается, что наибольшее количество изменений было внесено в 2016 г.

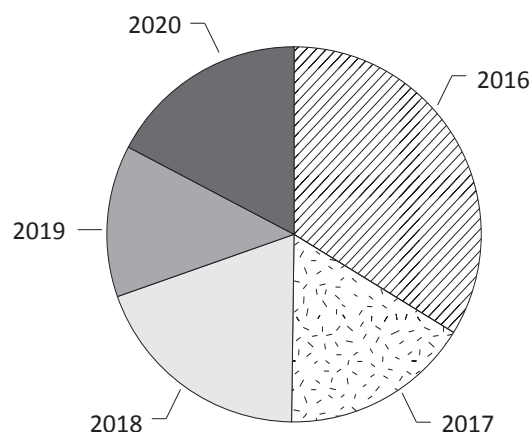

Рис. 2. Динамика изменений Уголовного кодекса Российской Федерации в 2016–2020 гг.

Fig. 2. Dynamics of introducing amendments in the Criminal Code of the Russian Federation in 2016–2020

Следовательно, количество принятых законов и число внесенных изменений зачастую не являются коррелируемыми показателями

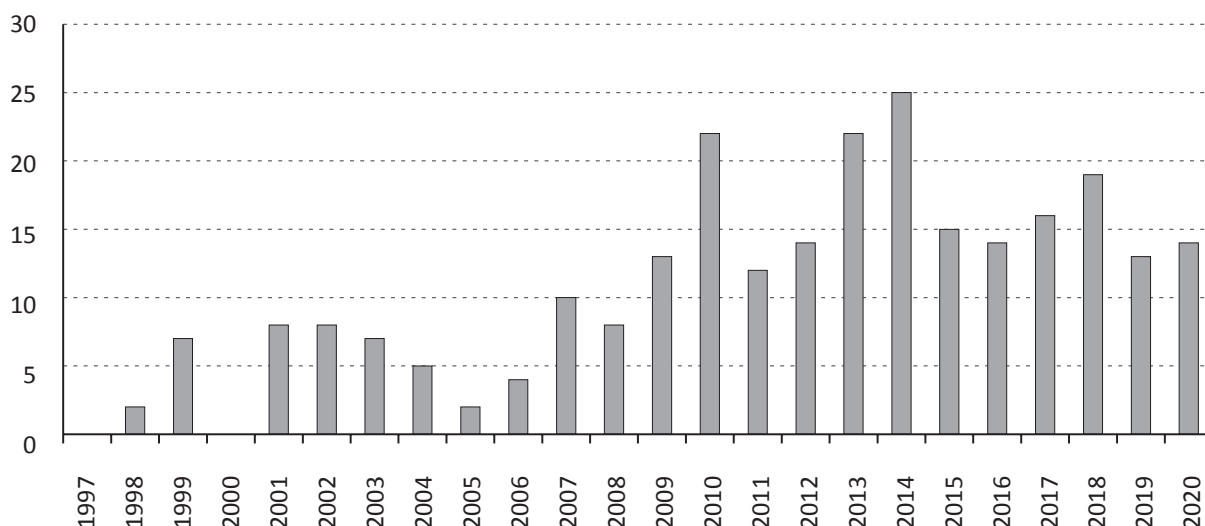

Рис. 1. Количество федеральных законов, вносящих изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, в 1997–2020 гг.

Fig. 1. Number of federal laws introducing amendments in the Criminal Code of the Russian Federation in 1997–2020

(рис. 3). Действительно, законодатель принимает много федеральных законов, предусматривающих по одному изменению УК РФ. Так, 11 % принятых законов содержали по одному изменению, около 7 % предусматривали по два изменения и только порядка 4 % содержали более пяти изменений.

Изменения вносились в Общую часть УК РФ значительно реже, чем в Особенную часть. Так, 34 изменения УК РФ в рассматриваемый период затрагивали положения Общей части, что составило 14 % от общей массы принятых изменений в указанный период, и 86 % составили изменения Особенной части УК РФ.

Традиционно либерализацию в уголовно-правовой сфере рассматривают через два определяющих фактора — это декриминализация и смягчение наказания. Примечательно, что за период с 2016 г. по декабрь 2020 г. имел место лишь один случай проявления эффекта декриминализации — в 2016 г. В частности, была исключена достаточно спорная статья 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательства» (сам факт разделения мошенничества на виды изначально вызывал неоднозначную оценку). В диаметрально противоположном направлении деятельность законодателя носит более активный характер. Так, можно отметить в рассматри-

ваемом периоде 34 изменения УК РФ, связанные с криминализацией деяний. В частности, в 2016 г. 10 изменений УК РФ предусматривали криминализацию, в 2017 г. — 12, в 2018 г. — 5, в 2019 г. — 2, в 2020 г. — 5. Примечательно, что пик активности законодателя по введению новых оснований для привлечения лиц к уголовной ответственности приходится на 2017 г. Таким образом, соотношение декриминализации и криминализации в рассматриваемый период определяется как 1 к 34 случаям.

Непосредственный интерес представляет сущность вносимых изменений в части проявления эффекта криминализации. Так, в сфере усиления защиты личности было введено семь статей в УК РФ: ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»; ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»; ст. 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»; ст. 124.1 «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи»; ст. 142.2 «Незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме»; ст. 144.1 «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста».

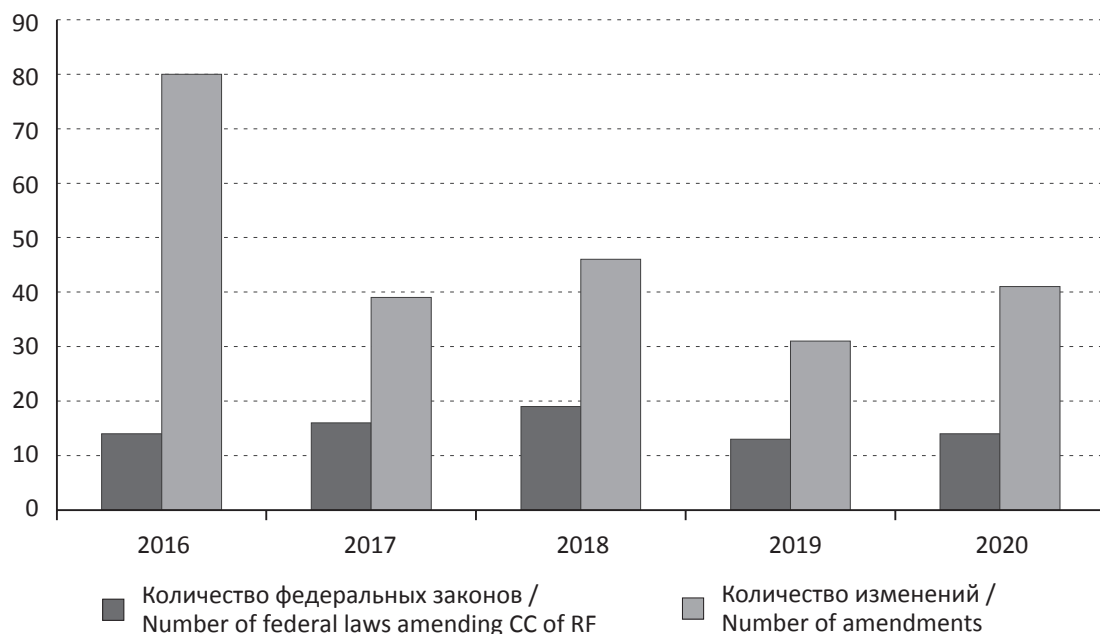

Рис. 3. Соотношение количества принятых федеральных законов, изменяющих Уголовный кодекс Российской Федерации, и количества внесенных в него изменений в 2016–2020 гг.

Fig. 3. Correlation between the number of enacted federal laws amending the Criminal Code of the Russian Federation and the number of amendments in it in 2016–2020

та»; ст. 151.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего».

Таким образом, четыре статьи были внесены в гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья», две статьи в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» и одна статья была добавлена в гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Наибольшее количество дополнений УК РФ, связанных с установлением уголовной ответственности за деяния, ранее не признаваемые преступными, в указанный период наблюдается в сфере экономики. Так, были введены: ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию»; ст. 171.3 «Незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»; ст. 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции»; ст. 172.2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества»; ст. 172.3 «Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах»; ст. 199.3 «Уклонение страхователя — физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд»; ст. 199.4 «Уклонение страхователя-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд»; ст. 200.4 «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»; ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок»; ст. 200.6 «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; ст. 200.7 «Подкуп арбитра (третейского судьи)»; ст. 201.1 «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»; ст. 204.1 «Посредничество в коммерческом подкупе»; ст. 204.2 «Мелкий коммерческий подкуп».

Соответственно, наибольшее количество дополнений УК РФ в рассматриваемой сфере наблюдается в гл. 22 «Преступления в сфере экономики» — десять статей; три статьи внесены в гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»; одна статья дополнила гл. 21 «Преступления против собственности».

Отношения по охране общественной безопасности не были обделены вниманием законодателя, в связи с чем данный раздел УК РФ был дополнен ст. 205.6 «Несообщение о преступлении»; ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан»; ст. 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»; ст. 210.1. «Занятие высшего положения в преступной иерархии»; ст. 230.2 «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»; ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»; ст. 243.4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России»; ст. 267.1 «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств»; ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации».

Следовательно, четыре статьи дополнили гл. 24 «Преступления против общественной безопасности»; три статьи были внесены в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»; одна статья добавилась в гл. 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» и одна в гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации».

В разд. 10 УК РФ «Преступления против государственной власти» были внесены следующие статьи: ст. 280.2 «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации»; ст. 285.4 «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»; ст. 291.2 «Мелкое взяточничество».

Таким образом, одна статья дополнила гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» и две статьи размещены в гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Кроме того, в рассматриваемый период законодатель криминализировал одно деяние в разд. 12 «Преступления против мира и безопасности человечества» — ст. 361 «Акт международного терроризма».

Следовательно, уголовно-правовая политика нашего государства в последние пять лет направлена, во-первых, на усиление защиты интересов государства в сфере экономики, во-вторых, на обеспечение общественной безопасности, и только, условно говоря, на третьем месте наращивание охраны прав и свобод личности (рис. 4). В таком аспекте трудно говорить об обеспечении гарантированных Конституцией РФ и УК РФ приоритета прав личности над общественными и государственными интересами. Обозначенная тенденция подрывает идеи гуманизма, ставя под сомнение главенствующую роль личности в Отечестве. Известная триада приоритетов уголовно-правовой охраны в уго-

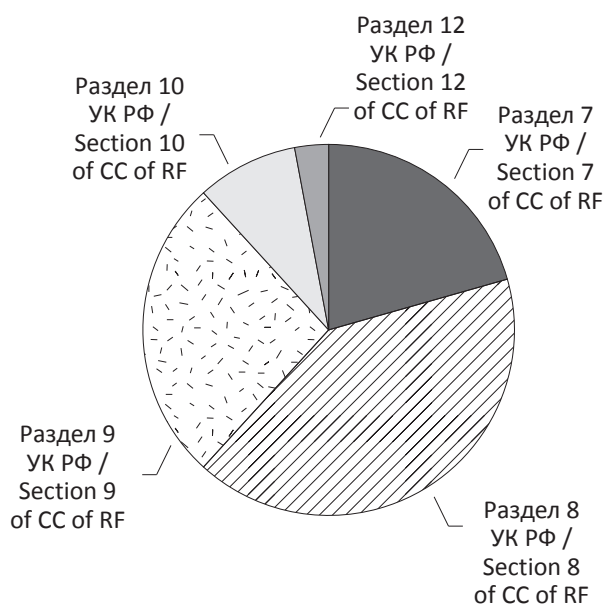

Рис. 4. Эффекты криминализации в разделах Уголовного кодекса Российской Федерации в период с 2016 по 2020 г.

Fig. 4. Effects of criminalization in the sections of the Criminal Code of the Russian Federation in 2016–2020

ловно-правовой политике последних пяти лет не проявилась в должном виде — усилия государства сконцентрированы в диаметрально обратном порядке. Сложилась крайне негативная ситуация, когда, анализируя УК РФ, без сомнения, можно отметить гуманизм как важнейшую его характеристику, но при рассмотрении уголовно-правовой политики последней пятилетки обращают на себя внимание обратные процессы, не свойственные правовому государству.

Изменения, направленные на смягчение наказания в чистом виде, в обозначенном периоде представлены очень скудно — только три положения (два изменения в 2019 г. и одно в 2016 г.), в то время как изменения, усиливающие наказания, содержались в 40 законодательных положениях (2016 г. — 13 изменений, 2017 г. — 4, 2018 г. — 6, 2019 г. — 11 и 2020 г. — 6). Наибольшая активность законодателя в данном направлении проявлялась в 2016 и 2019 гг. Следовательно, соотношение смягчения наказания с его усилением в законотворческой деятельности за последние пять лет отображается как 3 к 40 случаям. Большая часть изменений, вносимых в УК РФ, была направлена на введение новой редакции положений закона, уточнение понятий и другое, не имеющее прямого отношения к наказанию виновного лица. Схематично обозначенные тенденции отражены на рис. 5.

В этом аспекте непосредственный интерес представляют громкие заявления, растиражированные в научной юридической литературе,

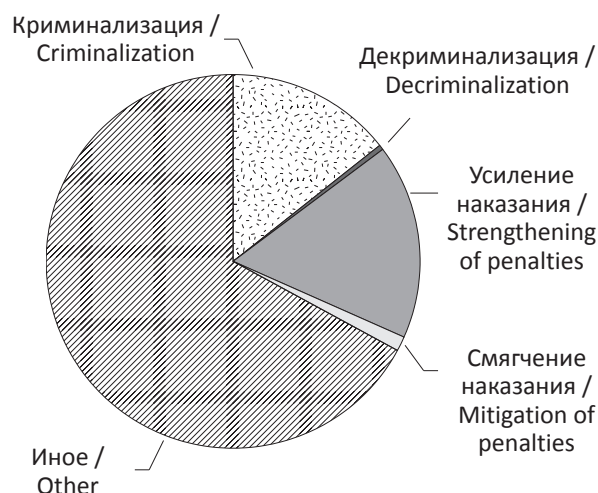

Рис. 5. Виды принятых изменений в Уголовном кодексе Российской Федерации в 2016–2020 гг.

Fig. 5. Types of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in 2016–2020

о «масштабной либерализации уголовного законодательства» [22, с. 69]. При этом в качестве аргументов, на которых основывается данный вывод, приводится только одна область уголовного законодательства — это сфера предпринимательской деятельности, где, безусловно, наметились некоторые тенденции либерализации. Проблема в том, что одно лишь направление модернизации уголовно-правовой политики нельзя признать в целом масштабной деятельностью, кроме того, в этом же направлении отмечены и черты обратного порядка в виде криминализации в сфере экономики. Поэтому представляется, что рассматриваемая авторская позиция несколько преждевременна и субъективна.

Действительно, в настоящее время одним из популярных подходов в уголовной науке стал акцент именно на либерализацию уголовно-правовой политики, особенно ярко это проявляется в кругу начинающих ученых, которые воспринимают обозначенный аспект в качестве аксиомы [23].

Однако необходимо уточнить, что позиция законодателя в определении сущности вносимых изменений нередко представлена в противоречивой форме, когда одновременно присутствуют факторы и смягчения наказания, и его усиления. Например, федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ ст. 290 УК РФ была изложена в новой редакции, включая и изменения в части наказания. Так, в санкции ч. 1. ст. 290 УК РФ увеличен размер штрафа и введено обязательное дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что, безусловно, свидетельствует об усилении наказания. Но, с другой стороны, вводятся такие альтернативные наказания, как исправительные работы и принудительные работы с обязательным дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; понижается срок лишения свободы с максимальных пяти лет до трех, а обязательное дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью заменяется на факультативное более мягкое наказание — штраф, что свидетельствует о смягчении наказания. Кроме того, изменения ст. 290 УК РФ в данном акте предусматривали и введение новыхотягающих обстоятельств, а значит, в

целом данные изменения являются ухудшающими положение виновного лица и усиливают его наказание.

Научный интерес в этой связи представляет замечание, что сейчас нужно говорить не о либерализации или, напротив, об ужесточении уголовной политики, а о попытке достижения большого уровня дифференциации ответственности за преступления [24, с. 93]. Достаточно перспективным представляется направление по исследованию риска применения санкций в конкретной ситуации [25] в сфере определения роли санкций в осуществлении общего предупреждения.

В этой связи А.Э. Жалинский совершенно справедливо отметил такую особенность и важное свойство уголовной политики в целом, как ее противоречивость. Это определяется тем, что «слишком» разные проблемы решаются в различных интересах, поэтому единой она быть просто не может [26, с. 16], ведь уголовно-правовая политика выступает «средством навязывания своей воли правящей элитой остальным слоям общества через текст УК» [27, с. 61]. Не случайно в научный оборот введено понятие «манипулятивная уголовно-правовая политика» [28, с. 9]. Действительно, слишком много интересов, зачастую диаметрально противоположных, надлежит учесть при ее формировании. При этом уровень противоречия, острота столкновения сил, политические интересы и возможности той или иной стороны затрудняют принятие единой концепции определения уголовно-правовой политики. При этом красиво звучит вывод о том, что само общество должно определять достаточность наказания и осуществлять регулирование уголовного законодательства и уголовно-правовой политики [29].

В качестве современной тенденции можно отметить разрыв связи между криминологическими исследованиями и формированием политики [30], в связи с чем актуально звучат предложения о необходимости повышения роли криминологических исследований при разработке уголовной политики [31]. Действительно, именно за счет повышения качества и расширения границ использования криминологических исследований при стратегическом планировании противодействия преступности можно нивелировать обозначенные современные проблемы уголовно-правовой политики, связанные прежде всего с отсутствием системы и единообразия восприятия настоящих тенденций.

Напрашивается вывод, что гуманизация и либерализация в уголовно-правовой политике на современном этапе проявляются крайне слабо, при этом более значительно обнаруживают себя противоположные течения. Известно правило о «золотой середине», иначе говоря, о равновесии сил, которое может обе-

спечить гармонию. Любой перекося в ту или иную сторону приводит к краху системы, нарушая ее баланс. К сожалению, в настоящее время наметились неблагоприятные тенденции формирования уголовно-правовой политики, ставящие под сомнение ее прогрессивный характер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюкова В.Е. Некоторые аспекты современной уголовной политики / В.Е. Батюкова // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. — Симферополь, 2018. — С. 13–16.
2. Якимович Ю.К. Реализация уголовной политики государства в уголовно-процессуальном законодательстве / Ю.К. Якимович // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2014. — № 5. — URL: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=19430>.
3. Solomon P.H. The making of criminal law in Russia and the West: the policy process, administration, and the role of experts / P.H. Solomon // Public Administration Issues. — 2014. — № 5. — P. 29–56.
4. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия / Н.А. Лопашенко. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. — 339 с.
5. Парфиненко И.П. Уголовно-правовая политика и ее роль в борьбе с проявлениями коррупции в органах местного самоуправления и государственной власти / И.П. Парфиненко, М.Е. Авдеев // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 2. — С. 72–74.
6. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Юрист, 2003. — 352 с.
7. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / А.И. Александров. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2013. — 598 с.
8. Третьяков И.Л. Уголовная политика современной России / И.Л. Третьяков. — Санкт-Петербург : Университет, 2017. — 414 с.
9. Давитадзе М.Д. Современные проблемы уголовной политики / М.Д. Давитадзе // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 6. — С. 123–127.
10. Малышкин Д.А. Основные тренды уголовно-правовой политики Российской Федерации / Д.А. Малышкин // Актуальные вопросы развития науки на современном этапе : сб. ст. / под ред. Г.Н. Гужиной. — Москва, 2019. — С. 21–30.
11. Лесников Г.Ю. Некоторые вопросы методологии уголовной политики / Г.Ю. Лесников // Пробелы в российском законодательстве. — 2013. — № 2. — С. 124–126.
12. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрист, 1999. — 304 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — Москва : Рус. яз., 1987. — 797 с.
14. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. — Москва : ЭКСМО, 2006. — 669 с.
15. Шлыков В. Правовой «либерализм», который у нас есть — и диктатура закона, которой у нас нет / В. Шлыков // Право.Блог. — 2013. — URL: <https://blog.pravo.ru/blog/6990.html>.
16. Чичерин Б.И. Философия права / Б.И. Чичерин. — Москва : Типолитограф. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900. — 336 с.
17. Мелюханова Е.Е. Уголовное наказание в исследованиях российских юристов (вторая половина XIX — начало XX веков) / Е.Е. Мелюханова. — DOI 10.7256/2409-868X.2015.6.15772 // Genesis: исторические исследования. — 2015. — № 6. — С. 509–528.
18. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 т. Т. 2 / Н.С. Таганцев. — Тула : Автограф, 2001. — 685 с.
19. Босхолов С.С. Основы уголовной политики / С.С. Босхолов. — Москва : ЮрИнфоР, 1999. — 293 с.
20. Гуманизация современного уголовного законодательства / В.П. Кашепов, Т.О. Кошаева, А.А. Гравина [и др.]. — Москва : Инфра-М, 2015. — 336 с.
21. Босхолов С.С. Либерализм как угроза геополитическим интересам и национальной безопасности России / С.С. Босхолов. — DOI 10.17150/2072-0904.2015.6(1).20 // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2015. — Т. 6, № 1. — URL: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=19970>.
22. Попов В.И. «Большая» коррупция и либерализация уголовной политики / В.И. Попов // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. — 2018. — № 1. — С. 66–72.
23. Дубровина Е.С. Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития / Е.С. Дубровина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. — 2018. — № 4. — С. 161–172.
24. Мониторинг уголовной политики России / под ред. С.В. Максимова. — Москва : Ин-т государства и права РАН, 2015. — 482 с.
25. Apel R. Sanctions, Perceptions, and Crime: Implications for Criminal Deterrence / R. Apel. — DOI 10.1007/s10940-012-9170-1 // Journal of Quantitative Criminology. — 2013. — Vol. 29, iss. 1. — P. 67–101.
26. Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. 3 : Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право / А.Э. Жалинский. — Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. — 619 с.
27. Александрова И.А. Уголовное право и политика / И.А. Александрова // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — № 3 (27). — С. 60–65.
28. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.И. Клименко. — Москва, 2005. — 24 с.

29. Jeffery C.R. Criminal Behavior and Learning Theory / C.R. Jeffery // *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. — 1965. — Vol. 56, iss. 3. — P. 294–300.
30. Blumstein A. Interaction of criminological research and public policy / A. Blumstein. — DOI <https://doi.org/10.1007/BF02354423> // *Journal of Quantitative Criminology*. — 1994. — Vol. 12, iss. 4. — P. 349–361.
31. Oberwittler D. Crime and Justice in Germany. An Analysis of Recent Trends and Research / D. Oberwittler, S. Höfer. — DOI 10.1177/1477370805056058 // *European Journal of Criminology*. — 2005. — Vol. 2, № 4. — P. 465–508.

REFERENCES

1. Batyukova V.E. Some Aspects of Modern Criminal Policy. *Problems of enforcing criminal and criminal procedure legislation. Materials of International Research Conference*. Simferopol, 2018, pp. 13–16. (In Russian).
2. Yakimovich Yu.K. Implementation of State Criminal Policy in Criminal Procedural Legislation. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikalskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2014, no. 5. Available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=19430>. (In Russian).
3. Solomon P.H. The making of criminal law in Russia and the West: the policy process, administration, and the role of experts. *Public Administration Issues*, 2014, no. 5, pp. 29–56.
4. Lopashenko N.A. *Fundamentals of criminal and legal impact*. Saint-Petersburg, Juridicheskii Tsent Press Publ., 2004. 339 p.
5. Parfinenko I.P., Avdeev M.E. Criminal Law Policy and its Role in Combating Corruption in Local Governance and Public Authority Bodies. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2019, no. 2, pp. 72–74. (In Russian).
6. Kudryavtsev V.N. *Strategies for Counteracting Crime*. Moscow, Jurist Publ., 2003. 352 p.
7. Alexandrov A.I. *Evil Philosophy and the Philosophy of Crime (Questions of Philosophy of Law, Criminal Policy and Criminal Procedure)*. Saint Petersburg State University Publ., 2013. 598 p.
8. Tretyakov I.L. *Criminal Policy of Modern Russia*. Saint Petersburg, University Publ., 2017. 414 p.
9. Davitadze M.D. Modern Problems of Criminal Policy. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 6, pp. 123–127. (In Russian).
10. Malyshkin D.A. Key trends of criminal law policy of the Russian Federation. In Guzhina G.N. (ed.). *Topical Questions of the Development of Science at the Contemporary Stage*. Moscow, 2019, pp. 21–30. (In Russian).
11. Lesnikov G.Yu. Some Questions of Methodology of Criminal Politics. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2013, no. 2, pp. 124–126. (In Russian).
12. Kudryavtsev V.N. *General Theory of Crime Classification*. 2nd ed. Moscow, Yurist Publ., 1999. 304 p.
13. Ozhegov S.I. *A Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1987. 797 p.
14. Komlev N.G. *A Dictionary of Foreign Words*. Moscow, EKSMO Publ., 2006. 669 p.
15. Shlykov V. Legal «liberalism» that we have — and the rule of law that we do not have. *Pravo.Blog*, 2013. Available at: <https://blog.pravo.ru/blog/6990.html>. (In Russian).
16. Chicherin B.I. *Philosophy of Law*. Moscow, I.N. Kushnerev i K° Publ., 1900. 336 p.
17. Melyukhanova E.E. Criminal punishment in the research of Russian lawyers (late XIX till — early XX centuries). *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research*, 2015, no. 6, pp. 509–528. (In Russian). DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.15772.
18. Tagantsev N.S. *Russian Criminal Law*. Tula, Avtograf Publ., 2001. Vol. 2. 685 p.
19. Boskholov S.S. *Fundamentals of Criminal Policy*. Moscow, YurInfoR Publ., 1999. 293 p.
20. Kashepov V.P., Koshaeva T.O., Gravina A.A., Makarova O.V., Rudnev V.I., Khromova N.M. *The Humanization of the Modern Criminal Law*. Moscow, Infra-M Publ., 2015. 336 p.
21. Boskholov S.S. Liberalism as a threat to geopolitical interests and national security of Russia. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikalskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2015, vol. 6, no. 1. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19970>. (In Russian). DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(1).20.
22. Popov V.I. «Big» Corruption and Liberalization of Criminal Policy. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki = Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice*, 2018, no. 1, pp. 66–72. (In Russian).
23. Dubrovina E.S. Humanization of Criminal Law as a Trend of Public Development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 161–172. (In Russian).
24. Maksimov S.V. (ed.). *Monitoring of Russian Criminal Policy*. Moscow, Institute of State and Law of the RAS Publ., 2015. 482 p.
25. Apel R. Sanctions, Perceptions, and Crime: Implications for Criminal Deterrence. *Journal of Quantitative Criminology*, 2013, vol. 29, iss. 1, pp. 67–101. DOI: 10.1007/s10940-012-9170-1.
26. Zhalinskii A.E. *Selected Works*. Moscow, HSE Publishing House, 2015. Vol. 3. 619 p.
27. Alexandrova I.A. Criminal Law and Policy. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 3, pp. 60–65. (In Russian).
28. Klimenko A.I. *Interrelation of legal and political consciousness in the implementation of the ideological function of the state*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2002. 24 p.
29. Jeffery C.R. Criminal Behavior and Learning Theory. *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*, 1965, vol. 56, iss. 3, pp. 294–300.
30. Blumstein A. Interaction of criminological research and public policy. *Journal of Quantitative Criminology*, 1994, vol. 12, iss. 4, pp. 349–361. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02354423>.
31. Oberwittler D., Höfer S. Crime and Justice in Germany. An Analysis of Recent Trends and Research. *European Journal of Criminology*, 2005, vol. 2, no. 4, pp. 465–508. DOI: 10.1177/1477370805056058.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Ирина Олеговна — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: iokravchenko16@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кравченко И.О. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики / И.О. Кравченко. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).565-577 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 5. — С. 565–577.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kravchenko, Irina O. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: iokravchenko16@mail.ru.

FOR CITATION

Kravchenko I.O. Liberalization and humanization of criminal law policy. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 565–577. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).565-577.